

INSPIRIA

18+

НОЧЬ
БОРЬБЫ
МИРИАМ
ТЭЙВЭЗ

В переводе
Ксении Новиковой

INSPIRIA

Мириам Тэйвз

Ночь борьбы

Серия «Переведено. Такова жизнь»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69867244
Ночь борьбы: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-194685-2

Аннотация

Бабушка Эльвира провела в борьбе всю жизнь. Сначала она упорно отстаивала свое право на счастье и независимость, но даже теперь, несмотря на почтенный возраст и хрупкое здоровье, ее борьба еще не окончена, ведь ее беременная дочь и маленькая внучка так в ней нуждаются.

Когда девятилетнюю Суив отстраняют от школьных занятий, неподражаемая Эльвира с готовностью берется за обучение внучки. Она научит Суив считать, писать письма, читать рецепты лекарств, рыть могилы и разруливать конфликты с охранниками, но главное, она научит внучку самому сложному – как не проиграть в ежедневной изнурительной борьбе за себя и своих любимых, и как при этом не потерять вкус к жизни.

Содержание

Дом	5
1	5
2	36
3	51
4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мириам Тэйвз

Ночь борьбы

Miriam Toews
Fight Night

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2018, Miriam Toews

All rights reserved

© Новикова К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Дом

1

Дорогой папа.

Как твои дела? А меня вот исключили. Слышал когда-нибудь о занятиях по выбору? Это мой любимый урок. Мое занятие проходит в зоне сборки-разборки у нас в классе – там мы надеваем защитные очки и разбираем всякие штуки. Это немного опасно. Первую половину урока мы их разбираем, а потом Мадам звонит в колокольчик – это значит, наступила вторая половина урока, и мы должны собрать все обратно. Это бессмысленно, потому что сборка занимает больше времени, чем разборка. Я пыталась поговорить об этом с мамой, и она сказала, что мне просто нужно начать собирать пораньше, до того как Мадам позвонит в колокольчик, но когда я так и сделала, Мадам сказала, что я должна ждать звонка. Я объяснила Мадам, что у меня проблема со временем, но ей не понравился мой тон, он был *агрессивный*, и над ним мне следует поработать. Мама на третьем триместре. Она слетает с катушек. У нее внутри заперт Горд. Я спросила, чего ей хочется на день рождения, и она ответила: «Холодного пива и в отпуск». Бабуля сейчас живет с нами. Она уже одной ногой в могиле. Она ничего не боится. Я спрашивала ее, где ты,

и она ответила, что это вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов. Она говорит, что скучает по бабушке. Она сказала, что к тому времени, когда она попадет на небеса, он, вероятно, уже уйдет оттуда. «Мужчины, – сказала она. – Они приходят и они

– С этого дня начинается наш неореалистический период, – сказала бабуля сегодня утром. Она плюхнула на стол жареную картошку и бутылку кетчупа и добавила: – Плевое дело! – Она сказала, что у меня под глазами голубые галочки, как логотип «Найк». Мне нужно больше спать.

– В чем проблема, Суив? Плохие сны?

Бабуля хранит всю борьбу своей жизни в альбоме. *Альбом* – ее любимое слово. Она говорит, что слова – это воплощение души. Она пишет Горду письмо, потому что это задание я дала им с мамой вчера на нашей редакционной встрече. Мне она тоже дает задания. Мы *соредакторы*. Мама говорит, что мы не сможем позволить себе терапию, если между сеансами только и будем писать письма людям, которых нет. Но бабуля считает, что это полезно. Она говорит, что мы можем стать своим собственным *бюро*. Она говорит, что письма начинаются как что-то одно, а потом превращаются во что-то другое. Но мама не доверяет письмам, как и фотографиям. Она ненавидит изображения. «*Я не хочу быть запечатленной в мгновении!*»

Бабуля говорит, что фрагменты – это единственная прав-

да.

– Фрагменты чего? – спросила я.

– Вот именно! – сказала она. Она спросила, что мне снилось прошлой ночью. Я сказала, что мне приснилось, что я должна написать прощальное письмо, используя слова «*один*» и «*синий*».

– *Na oba!*¹ – воскликнула бабуля. – Это и будет твоим заданием на сегодня, Суиверу!

У нее есть свой секретный язык. Она даже не спросила, кому будет адресовано мое письмо. Бабуля опускает важные детали, потому что жить ей осталось минут пять и она не хочет растрчивать их на мелочи.

– А если бы мне приснилось, что я голая и не могу попасть домой? – спросила я. – Это тоже стало бы моим заданием?

– *Na jungas!* – ответила она. – Со мной такое случалось множество раз!

Бабуля любит поговорить про *тело*. Она любит в теле все, каждый уголок и щелочку.

– И как же такое могло случаться с тобой *множество* раз? – спросила я.

– Такова жизнь! – сказала она. – Ты должна любить себя, несмотря ни на что.

¹ Здесь и далее бабуля говорит на немецко-платском диалекте, распространенном в общине меннонитов, переселившихся в Российскую империю. На рубеже XIX–XX веков большинству меннонитов пришлось бежать от российских притеснений в Канаду, где они обосновались в провинции Манитоба, а также в Мексику и Боливию.

– Разве же это *жизнь*, – сказала я. – Постоянно оказываться голой и вне дома?

– Плевое дело! – Она подсчитывала свои таблетки и смеялась.

После этого у нас был урок математики.

– Карандаши на изготовку! – закричала она. – Если у тебя есть пазл с фермой амишей на две тысячи деталей и тебе удастся добавлять к пазлу по три кусочка в день, сколько дней тебе нужно еще прожить, чтобы закончить пазл?

Урок математики прервал звонок в дверь.

– Бейсбол! – закричала бабуля. – Кто бы это мог быть?

Звонок в дверь играет песню «Своди меня на бейсбол»², бабуля каждый раз заставляет меня петь ее вместе с ней во время седьмого иннинга, даже если мы смотрим игру дома в гостиной. Еще она заставляет меня вставать во время гимна в начале игры. Мама не встает на гимн, потому что Канада – это сплошная ложь и преступление.

В дверь звонил Джей Гэтсби. Он хочет снести наш дом. Я подошла к двери, открыла ее и сказала ему:

– Он твой за двадцать миллионов долларов.

– Послушай, можно мне поговорить с твоей мамой. В прошлый раз ты сказала... – начал он.

– Двадцать пять миллионов долларов, – сказала я.

² «Take Me Out to the Ball Game» – песня Фрэнка Синатры, неофициальный гимн бейсбола. Его часто начинают петь во время традиционного перерыва на седьмом иннинге (период игры).

– Извини, – сказал Джей Гэтсби, – я бы хотел поговорить с...

– Тридцать миллионов долларов, капиталист, ты английский понимаешь? – я захлопнула дверь.

Бабуля сказала, что я немного *переборщила*. Бабуля добавила, что он боится смерти. Она произнесла это как оскорбление. Он сбился с пути! Джей Гэтсби хочет снести наш дом и построить роскошный подземный бункер на случай Судного дня. Джей Гэтсби однажды купил дом на тропическом острове, а затем заставил всех остальных жителей острова продать ему свои жилища, чтобы весь остров оказался в его распоряжении, чтобы он мог там принимать экстази и заниматься йогой с бывшими моделями. Он заставлял всех моделей принимать специальные таблетки, которые делали их дерьмо золотым и блестящим. Мама сказала, что он вставил искусственные мышцы в икры ног. Она это знает, потому что однажды увидела его на тротуаре возле книжного магазина, и его икры были очень худыми, а через три дня они вздулись и на них появились шрамы. Мама сказала, что он отправился за ними в Кливленд, штат Огайо – и что там можно еще сделать подтяжку вагины, если захочется. А потом целыми днями сидеть, курить вейпы со своим МЧ, и наслаждаться его гигантскими фальшивыми икрами и своей ушитой письмой, пока за вами шпионит ваш *инновационный* холодильник – оружие государства, который называли «зеленым» ради повышения продаж, и роботом Алексой и всяким прочим

дерьмом, и практиковать *осознанность*, ха-ха-ха-ха, и просто очень, очень, очень радоваться, что у вас на двоих нет даже половинки гребаного мозга.

Вот так моя мама разговаривает. Вероятно, это все неправда. Она врет. Она ненавидит слова вроде «*инновационный*», «*креативный*» и «*сексуальный*» и ненавидит аббревиатуры. Она ненавидит почти все. Бабуля сказала, что не знает, как мама умудрилась сделать достаточно долгий перерыв в своих тирадах, чтобы успеть забеременеть Гордом. Она сказала, что *оплодотворить маму* – это как подползти к краю действующего вулкана, который по ошибке считали неактивным. Она говорит, что мама отвечает за эмоции всей нашей семьи, чувствуя все в десять раз сильнее, чем необходимо, чтобы все остальные могли вести себя нормально. Бабуля не верит в личное пространство и считает все личное глупостью, потому что она была самым младшим ребенком в семье из пятнадцати детей. «*Na oba!*» – скажет она, когда ты будешь в туалете. «Глядите-ка, сидит тут одна в маленькой комнате со спущенными штанами, это *бесподобно!*» Бабулин папа не помнил, как зовут всех его детей, и случайно дал бабуле такое же имя, как и одной из старших дочерей. Бабулина мама использовала ее как средство *контрацепции*, укладывая бабулю спать рядом с собой в течение семи лет. Через семь лет у бабулиной мамы *наступила менопауза*, так что она оказалась в безопасности, и бабуля смогла спать в коридоре до конца своего детства.

– Помнишь ту женщину, мою подругу, которая пожертвовала свою голову? – спросила бабуля вчера. – Ну так вот, она умерла.

Почти каждый день бабуле звонят рассказать о смерти кого-нибудь из ее знакомых. Сегодня утром она смотрела основные моменты матча клуба «Блю Джейс»³ и сказала, что Владимир Герреро напоминает ее хорошую подругу из средней школы, Тину Куп. Она была невысокой и толстой, не умела бегать и просто стояла на домашней базе, даже не в отбивающей стойке, и при этом каждый раз выбивала хоумран.

Я сказала:

– Вау, и чем она сейчас занимается?

– Она умерла, – ответила бабуля. Вот как бабуля рассказывает о своих друзьях. Она об этом не кричит. Она даже не плачет. Единственное, о чем она и ее друзья разговаривают по телефону, – это о смерти. Бабулина подруга Леона позвонила ей вчера и сказала:

– Ты не поверишь, но Генри Уйбе согласился на кремацию.

– Что! – сказала бабуля. – Это бесподобно!

– А знаешь почему? – спросила Леона.

– Нет, почему?

– Потому что это дешевле!

Они расхохотались.

– А еще это стильно!

³ Бейсбольный клуб из Торонто.

Они захохотали еще сильнее. Леона сказала, что Генри Уйбе всегда втайне жаждал быть стильным, а потом узнал, что всех его знакомых будут кремировать. Когда бабуля повесила трубку, она объяснила мне, что это смешно, потому что Генри Уйбе более пятидесяти лет проповедовал всем, что кремация – это грех, но потом напрямую соприкоснулся со своей смертностью, пресловутой дешевизной и необходимостью быть стильным и понял, что сможет сэкономить денег и стать стильным, если кремируется.

– Но он же умрет, – сказала я. – Как же он станет стильным и сэкономит деньги?

– Просто надо знать Генри, – ответила бабуля.

Можно догадаться, когда ей звонят по телефону, чтобы рассказать про ее умерших друзей, потому что она наливают себе лишней *schluckz* вина, чтобы посмотреть игру «Рэпторс»⁴, и поглядывает на меня в долгих перерывах, и читает мне стихи, хотя я ничего не делаю, просто сижу и смотрю игру вместе с ней. «*И все мертвецы нагие / Воссоединятся с живыми, / И в закате луны под ветром...*»⁵. В те дни, когда она получает звонки смерти, она хватается за меня, когда я прохожу мимо, и я знаю, что ей нужна ласка, но ненавижу вечно служить воплощением жизни. «*...Растворятся белые кости*». Обычно я делаю финт вправо, когда прохожу мимо ее стула, и она промахивается, потому что она очень медлен-

⁴ Баскетбольный клуб из Торонто.

⁵ Стихотворение Дилана Томаса «И безвластна смерть остается».

ная, но потом мне становится стыдно, и я снова прохожу мимо, очень медленно, чтобы она успела меня схватить. Но тут уже *она* чувствует себя плохо из-за того, что пыталась меня схватить, когда я не хочу, чтобы меня хватали, и поэтому *не хватает* меня, и тогда я вроде как вынуждена плюхнуться к ней на колени и обнять ее. Она говорит, что стучится, стучится, стучится в дверь рая⁶ и *что ее это устраивает на 110 процентов*. Она говорит, что, когда она сыграет в ящик, мне надо просто пересыпать ее в банку из-под маринованных огурчиков и пойти уже на улицу играть.

Наш следующий урок – это «Как выкопать могилу зимой». Бабуля сказала, что в детстве она поехала на похороны в Северную Дакоту и обнаружила, что все, кто умер там зимой, должны были дожидаться своих похорон до весны.

– Я была в ужасе! – сказала бабуля. Она отчитала гробовщика. Они что, не умеют рыть зимние могилы?!

– Вот что нужно сделать, – сказала она. – Разогреваешь угли и кладешь их на землю, пока она не оттаяет. Выкапываешь слой грязи. Разогреваешь угли и снова кладешь их на землю, пока не оттаяет еще один слой грязи. Выкапываешь и его. Продолжаешь, пока яма не станет шесть футов в глубину. Готово!

Нельзя ждать до весны, чтобы похоронить людей. Что за ерунда!

– А давай позвоним в Северную Дакоту и узнаем: там до

⁶ Строчка из песни Guns N' Roses «Knockin' On Heaven's Door».

сих пор вынуждают людей ждать весны, чтобы быть похороненными? – предложила я.

– Давай, – сказала бабуля. Я позвонила в Похоронное общество Северной Дакоты. Какой-то мужчина ответил:

– Да, здесь так заведено.

Отложенные похороны – *необходимое зло* в Северной Дакоте.

Бабуля любит сидеть на верхней ступеньке нашего крыльца, поливать цветы и засыпать на солнышке. Она откидывает голову назад, чтобы почувствовать теплое солнце на своем лице. В тот момент, когда она засыпает, она выпускает из рук шланг, и тот начинает крутиться во все стороны и брызгает на нее – тогда она понимает, что уснула, а еще – что позанималась *работой по дому*. Она брызгает из шланга на копов, когда они с открытыми окнами медленно проезжают мимо нашего дома, потому что ненавидит их после того, что они сделали, когда умер дедушка, и точка. Когда они выходят из машины и приближаются к ней, она говорит что-то вроде: «Идет Человек-ракета! Зовите клоунов!» Полицейские улыбаются, потому что думают, что она просто сумасшедшая старушка. Но она настроена действительно серьезно. Она их ненавидит. Она не *хочет* никого ненавидеть, но ничего не может с собой поделаться и даже не собирается молиться об этом, потому что считает, что Бог их тоже втайне ненавидит. Когда они задают свои обычные вопросы, она не отвечает ни слова. Если хоть один дюйм их ботинок оказыва-

ется на нашем дворе, она направляет шланг на их *маленькие бронированные ножки* и заставляет их отступить на тротуар.

Бабуля любит каждый день говорить маме, что мы выполнили какую-нибудь работу по дому, потому что мама переживает полнейший нервный срыв и гериатрическую беременность: это не означает, что она вытолкнет из своей пилотки старика, это означает, что она слишком стара для залета и очень *вымотана* – и когда она приходит домой с репетиций, она начинает свое вечное: «Боже, какой бардак, боже, ну, ребята, ну что за помойка, нельзя выливать жир в раковину, тут же трубы древние, в туалете не бывает слишком много туалетной бумаги, почему повсюду валяются макароны, вы обе что, не можете отнести тарелку, или: убрать это дерьмо, или: вы вообще слышали о *работе по дому?*» Последние мамины срывы по поводу *домашней работы* происходят из-за того, что ей постоянно приходится выкладывать всю еду в холодильнике на самый край полка, чтобы она была полностью на виду у бабули, иначе бабуля думает, что еды нет, ведь она ее не видит и не раздвигает то, что стоит в холодильнике, чтобы поискать еду на задней части полки, и поэтому она заказывает что-нибудь в доставке или просто ест мороженое, бекон или хлопья из коробки горстями. Так что теперь мама выстраивает все в ряд на внешних краях полка холодильника с этикетками типа «ЭТО ЧЕЧЕВИЧНЫЙ ЧИЛИ! СЪЕШЬ ЕГО!», «ЭТО САЛАТ КЕЙЛ! ЕШЬ!» Бабуля не ест ничего зеленого. Ничего, никогда. Это для нее

как для Самсона его волосы. Он не может отрезать их, иначе потеряет свою силу. А бабуля не может есть зелень. Она способна отыскать зелень в своей еде, когда мама пытается ее туда спрятать. «*Я не собираюсь тратить свои последние пять минут на земле, поедая кроличью еду!*» После того как она обнаруживает какие-то зеленые кусочки в еде, она долго-долго, словно в опере или вроде того, медленно вынимает их один за другим и выкладывает на стол рядом с тарелкой. Мама вздыхает, подбирает эту кучку и съедает ее сама, но не оставляет попыток обмануть бабулю, а бабуля никогда не дает ей себя обмануть. Бабуля не ест красный суп. Мама сварила нам *борщ*, а бабуля сказала:

– *Я не буду* есть красный суп.

– Почему это?

– Потому что я не *ем* красный суп!

Мама повторяет мне: «Не произноси слово „залет“, не говори эту фигню про жопу скунса, не говори „пилотка“, не говори „сральные билетки“». А когда бабуля смотрит «Зовите акушерку», мама говорит ей либо включать субтитры, либо ставить максимальную громкость, а не то и другое одновременно.

– Зачем включать и то и другое!

– Какая тебе разница, если я пользуюсь и тем и другим?

– На это тратится слишком много твоих чувств одновременно!

– *Na oba!* Это мое дело, как я использую свои чувства!

Каждый день бабуля теряет свои слуховые аппараты в одних и тех же местах. Я стараюсь складывать все ее разряженные батарейки в старую жестяную банку из-под тимьяна, чтобы отнести их в правильную часть мусорной свалки, но вчера мама была *так вымотана* тем, что репетировала и носила Горда двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, что по ошибке вытряхнула батарейки в соус для спагетти, и за ужином нам пришлось вылавливать их и складывать крошечными стопками рядом с тарелками, а в случае мамы – рядом с комками бумажных платочков, из-за того что она постоянно сморкается.

За ужином мама сказала, что не знает, почему она все время такая уставшая, ведь третий триместр должен быть периодом *обновленной энергии*. У нее даже нет сил играть в голландский блиц. Она сказала, что у нее должен наступить прилив энергии, чтобы навести порядок в доме и подготовиться к появлению Горда. Этот прилив энергии называется *инстинктом гнездования*.

– Он есть у меня! – сказала я. – Это же я все тут убираю!

Мама погладила меня по волосам и сказала:

– О, это так мило, у тебя инстинкт гнездования.

А это совершенно не мило. Не хочу иметь никакие *инстинкты*. Я сказала:

– Бабуля, послушай. Первый триместр, мистер. Второй триместр, мистер, третий триместр, мистер, и... вы вылезаете!

Бабуля меня не слышала. Она притворялась.

– Не испытывайте меня, мистер? – сказала она. Я выкрикнула все заново.

– На kijnt! – сказала бабуля. Она все еще притворялась. Я закричала изо всех сил, и мама сказала:

– Суив! Да господи, блядь, боже!

Из бабулиной спальни доносятся непрерывные крики женщин, рождающих младенцев, или самих младенцев, которых заставляют родиться, или людей, которых убивают, или людей, обнаруживающих тела убитых людей. Бабуля говорит, что британские женщины уж очень много кричат, когда обнаруживают мертвые тела.

– Я бы тоже кричала, – сказала я.

– Нет-нет, – сказала она. – Это же *melo*. Это *nuscht*!

Бабуля по пятнадцать минут занимается на тренажере «Газель», пока смотрит свои передачи. Между шагами она произносит «хо-о-о-о-о-о», а потом «*goot, goot, goot. Gownz yepook*». Только ее умирающие и мертвые друзья знают ее секретный язык. Она подхватывает фразы из своих телешоу и весь день тренируется на мне произносить их с британским акцентом. «Суив, д’оуогая, нам следует’ устуетмит’ься на к’онт’инент’!»

На редакционной встрече бабуля сказала, что, если придется, я должна сказать себе «заткни свою пасть», чтобы не рассердить маму, потому что мама теперь как целый город, с Гордом и со всем остальным. Бабуля говорит, что, когда

мама включает режим выжженной земли, наша единственная надежда на выживание – это укрыться в другой комнате и ждать, пока он не закончится. Чтобы Пифия перестала вещать в Дельфах. Бабуля говорит, что я должна попытаться превратить мамины *пророчества* в изящные гекзаметры, как это делали греки. Она говорит, что гекзаметр – это стихотворение, в которое встроено проклятие.

Бабуля знает маму с тех пор, как мама родилась в *самый жаркий день в истории*, до изобретения вентиляторов и кондиционеров. «В комнате была жаровня!» – сказала бабуля. «*Кровь и огонь!*» Она сказала, что во время родов доктор оказался настолько бесполезен в вопросе извлечения детей из женщин, что бабуля была вынуждена сказать ему: «Пожалуйста, уберите от меня свои руки и позвольте мне сделать все самой». Наконец выползла мама, злая и багрово-красная, как крохотный сатана. Когда мама включает режим выжженной земли, она полощет рот маслом орегано, чтобы не наговорить ужасных вещей, о которых потом пожалеет, и чтобы повысить свой иммунитет, хотя научных доказательств этому нет. Сегодня, перед тем как мама отправилась на репетицию, бабуля рассказала ей, что по утрам я терплю, пока не дорешаю sudoku, и затем упускаю свой корабль.

– О чем ты говоришь, какой корабль? – спросила мама, а бабуля ответила ей, что у меня фиксация на том, чтобы закончить sudoku, прежде чем я чем-либо займусь, включая редакционную встречу и *опорожнение кишечника*, и то-

гда мой *стул* возвращается внутрь меня и окрашивает мой взгляд на весь предстоящий день, и, вероятно, от этого у меня под глазами галочки «Найк».

– «Найк» что, спонсор Суив? – сказала мама.

Убейте меня. Мама пристально посмотрела на меня, как будто пыталась проникнуть сквозь кожу, чтобы рассмотреть груди и груди скопившегося *стула* у меня внутри. Затем она сказала:

– Хм-м-м, просто продолжай тужиться, Суив. Просто постарайся расслабиться, милая.

Она провела большими пальцами по моим галочкам «Найк», обняла меня и ушла.

Не знаю, почему говорить «опорожнение кишечника» и «стул» лучше, чем «пилотка» и «пасть». Неважно, какие слова ты используешь в своей жизни, это не избавит тебя от страданий.

Две недели назад бабуля подарила свои спортивные штаны с логотипом хоккейного клуба «Виннипег Джетс» какому-то парню, который подошел к двери; и сегодня, когда мы с мамой шли домой с терапии, мы увидели этого парня – он сидел на бордюре возле супермаркета «Севен-Элевен» в этих самых штанах и пел «Просто погулять рядом с тобой»⁷. Потом мы присмотрелись и увидели, что бабуля тоже сидит на бордюре и тоже поет «Просто погулять рядом с тобой».

⁷ Госпел и джазовый стандарт «Just a Closer Walk with Thee».

Бабуля не надела ни спортивный костюм, ни штаны карго, она была в короткой юбке и сидела, расставив ноги, потому что ей сложно удержаться на бордюре, и было видно ее нижнее белье, что вызвало у меня нервный кашель. Бабуля любит быть голой. Она с гордостью рассказывает каждому встречному одну и ту же историю о том, как она неумышленно устроила стриптиз для какого-то парня в Мехико, и ему это очень, *очень* понравилось. Бабуля и мама ругаются о том, что бабуля раздает свои вещи, но бабуля говорит, что после того, как врачи убили почти всех, кого она любила, ей пришлось задаться вопросом, как пережить горе, и ответ был такой: «Кому я могу помочь?» Бабуля говорит, что врачи убили ее семью. «Врачи убили моего мужа. Врачи убили мою сестру. Врачи убили мою дочь». Когда она это говорит, мама тихо просит меня ничего ей не отвечать, кроме «да, это правда». Или «я согласна с тобой, бабуля. Ты права». Если мама или я скажем что-то еще, например «как такое может быть», или «это преувеличение», или что-то в этом роде, бабуля взорвется и, вероятно, у нее случится сердечный приступ, потому что у нее в груди уже слишком много устаревших деталей, а еще длинный шрам, который спускается вниз почти по всему ее торсу, как молния. Бабуля говорит, что врачи убивают всех подряд, когда она злится или когда пьет особый мамин ром из Италии, хотя это обычный канадский ром, который мама переливает в специальную итальянскую бутылку. Иногда бабуля плачет. Она чувствует себя виноватой.

той. Тогда маме приходится сесть, взять бабулю за руки и пробежаться с ней по каждой истории, чтобы она поняла, что это не так. Бабуля любит только доктора Де Сику. Он молод, красив, и он итальянец. Он сохраняет ей жизнь. Он проверяет ее самочувствие. Когда звонит телефон, бабуля говорит: «О, это мой Де Сика?» Когда она приходит к нему в кабинет, она ведет себя как крепкий орешек. Она врет. Так что Де Сика должен угадывать, что с ней не так.

Когда я помогаю бабуле раздеваться перед мытьем, я провожу пальцем по ее шраму и говорю: «Вж-ж-ж-жик. Вылезайте из своей кожи, мэм!» Она сидит на пластиковом стуле для душа, который мама нашла у кого-то в мусоре, – когда мама принесла его домой, бабуля сказала: «Ха-ха, очевидно, кто-то из соседей сыграл в ящик», – она смеется и смеется, а я намыливаю ее французским лавандовым мылом – его ей подарил ее друг Уильям за то, что она помогла ему в борьбе с домовладельцем и написала письмо его высокомерному брату. Мне приходится приподнимать валики жира, чтобы добраться до ее складок, и даже мыть ее гигантскую задницу, и сиськи, и подошвы ее твердых хрустящих ступней, и ее пальцы ног, которые переплетаются друг с другом. Затем мне нужно вытереть три дюйма воды на полу в ванной, чтобы она не поскользнулась и не упала, потому что «это был бы конец, мой друг»⁸, как она говорит. Затем я вытираю ее, расчесываю ее мягкие белые младенческие волосы и заново

⁸ Переделанная строчка из песни The Doors «The End».

втыкаю в них невидимки, чтобы убрать их от лица, потому что мама сделала ей нелепую модную стрижку под названием «волнистый серебристый боб», которая лезет ей в глаза. Потом надо вставить слуховые аппараты обратно ей в уши – я ненавижу это делать, потому что их нужно заталкивать изо всех сил, и мне кажется, что я причиняю ей боль, хотя она говорит, что это не так. И я должна помочь ей надеть чистое хлопковое белье – мне всегда приходится говорить, чтобы она положила руку мне на спину для равновесия, чтобы не опрокинуться, пока я скрючиваюсь у ее ног, пытаюсь просунуть их в дырки трусов, – потом идет спортивный костюм или брюки карго, которые ей нравятся, потому что в карманы помещаются все ее обезболивающие, нитроспрей и детектив, который на этой неделе называется «Недруг», и дополнительные батарейки для слуховых аппаратов. Затем я нахожу ее красные войлочные тапочки и очки, которые протираю краем футболки, подышав на них, и клею ей на руку свежий нитроглицериновый пластырь, который впрыскивает ей в вены динамит, и держу ее за руку всю дорогу, пока мы идем до кровати медленным-медленным шагом, потому что у нее кружится голова из-за жары в душе и напряжения от хохота.

Когда бабуля начинает храпеть, я иногда выкуриваю сигарету из маминой пачки, которую она хранит в верхнем ящике комода на тот *чертовски славный день*, когда она будет не беременна Гордом и не *так вымотана*. Я выхожу на заднюю

веранду, делаю пару затяжек и смотрю в небо. Или бросаю в ведро прищепки и стараюсь не промахнуться. Если промажу, ты не вернешься. Если попаду всеми прищепками – то вернешься. Я начинала бросать, поставив ведро на колени, так что не промазать было очень просто, но это показалось мне *слишком легким* способом заставить тебя вернуться, а еще ты ведь все равно не вернулся, так что теперь я отодвигаю ведро все дальше и дальше.

Чтобы не перестать дышать, бабуля должна спать со специальным аппаратом на лице, который состоит из трубки и коробки, наполненной водой, но она его ненавидит. Она закинула его в свой чулан. Бабуля не двигается, когда спит, а вот мама размахивает руками и ногами, разговаривает и кричит во сне. Бабуля говорит, что у мамы все еще остается небольшой посттравматический стресс, к тому же она находится в поиске. Я спросила бабулю, что же мама ищет, и она ответила: «О, да все что угодно. ПТСР и поиски не заканчиваются, когда мы спим». Мама с бабулей знают друг о друге такие вещи, с которыми им приходится *считаться*, потому что так обстоят дела. Они не против. Они знают друг друга. Я нашла письмо, которое мама написала тебе лет шестьсот назад, о том, как ей нравится спать, но, очевидно, ты его так и не получил, или, может быть, ты его получил, но не взял с собой, потому что путешествуешь налегке.

Если хочешь узнать, как маме нравится спать, я перепишу его для тебя. (У мамы плохо с правописанием, поэтому

я исправила ошибки.)

«Я не хочу говорить об этом или спорить, потому что времени слишком мало, но этому предшествовало множество вещей... Сперва тебя разозлило, что я с кем-то переписываюсь так поздно вечером. Я писала Кэрол, чтобы рассказать суперпотрясающую новость о новорожденном ребенке Фрэнки! Все детали. Это внучка Лидии! Тогда ты притворился, что не злишься, но я понимала, что ты все еще зол, потому что ты сердито заправлял белье на кровати. Ты заявил, что я отказываюсь от твоего жеста „нежности“ по превращению кровати в то, что я ненавижу. То, как ты заправляешь постель, – не нежность! Ты же знаешь, я не люблю спать как в конверте, без движения, а от воздушных карманов мне холодно! Разве же это нежность – заставлять человека спать так, как тебе хочется, даже если он это ненавидит? Это „нежность“??? Нет, это не так. Ты знаешь, что это не так. Затем ты топаешь наверх, дуешься и спишь в одиночестве в своем ледяном конверте. Хорошо, надеюсь, тебе все ясно. Я буду спать так, как хочу. На самом деле не так уж много я прошу – чтобы мое одеяло и простыня лежали определенным образом. Заправляй свои собственные, как тебе присрется! Целую».

Даже когда бабуля крепко спит и храпит, если я нежно коснусь пальцем ее плеча, она оживет, протянет ко мне руки, улыбнется и скажет: «Малышхен!» Я каждый раз спрашиваю ее: «Ты ощутила мое присутствие?» – но она меня не

слышит, потому что снимает слуховой аппарат перед сном и только смеется и держит меня за запястья, как лошадь за поводья. Она не может поверить, что продолжает просыпаться живой, и правда ощущает радостное удивление и благодарность, что, как говорится во всех брошюрах по психотерапии, мы и должны чувствовать каждый новый день.

«Ну конечно же, у меня в ботинке гребаная макаронина!» Это были последние слова мамы этим утром перед тем, как она хлопнула дверью и отправилась на репетицию. Бабуля сказала: «Это семейная классика, Суив, запиши». Потом бабуля закричала: «Удачи! Повеселись! Не перенапрягайся там!» Она говорит это каждый раз, когда кто-то уходит. Она рассказывает, что там, откуда она родом, это самая *бунтарская* вещь, которую только можно сказать, потому что у них не верили в удачу, веселье было грехом, а работа была *единственным*, чем следовало заниматься. Почти каждый день мама находит у себя в туфлях макаронины, или они налипают на ее сценарий, или куда-нибудь еще. Это любимая бабулина еда, но когда у нее обостряется артрит, ей трудно открывать коробку, а потом, когда она наконец открывает ее, макароны летят во все стороны, и я сметаю их, но недостаточно хорошо, поэтому мама всегда находит их в своих вещах. Макароны попадаются нам *всем*, но больше всего от этого бесится именно мама. Бабуля любит их, потому что они маленькие, и в те дни, когда у нее обостряется невралгия тройничного нерва, ей даже не нужно их жевать – они

просто проскальзывают в горло. Бабуля пытается найти того, кто просверлит ей дырку в голове, потому что она слышала, что это самый эффективный способ избавиться от невралгии тройничного нерва, которую прозвали суицидальной болезнью, потому что это самый болезненный физический опыт, который может испытать человек, и поэтому из-за нее люди убивают себя. Но никто не хочет сверлить бабулину голову из-за ее возраста. Когда людям исполняется около шестидесяти, в них перестают сверлить отверстия. «Помни это, Суив!» – говорит бабуля.

После того как мама ушла, бабуля попросила меня составить список ее лекарств.

– Не прописью, – сказала она, – печатными буквами. Ни один из этих молодых водителей «скорой» не может разобрать прописной почерк, они думают, что это арабский язык, только и стук-стук-стукают целый день на своих камерах. – Это она про телефоны.

– Я тоже не могу прочесть твой стариковский почерк, – сказала я.

Она зачитала мне лекарства вслух, чтобы я могла их записать.

Амлодипин 7,5 мг ПРД

Лизиноприл 10 мг ПРД

Фуросемид 20 мг ПРД

Правастатин 20 мг ПРД

Колхицин 0,6 мг ПРД

Омепразол 20 мг ПРД

Метопролол 50 мг *b.i.d.*

Окскарбазепин 300 мг ПРД

– Странно, после каждого лекарства написано «ПРД», – сказала я.

– Это мой запасной план, – сказала она. – ПеРеДозировка.

Шучу-шучу.

Она сказала, что это означает «принимать раз в день».

– А что такое *b.i.d.*?

– *Bis in Die*, – сказала она. – Это «два раза в день» на латыни.

Бабуля была медсестрой. В первую неделю работы над ней устроили дедовщину старшие медсестры. Они бросили ее в ванну из нержавеющей стали и облили эфиром, пока она не начала терять сознание и чуть не замерзла насмерть. Она умоляла их остановиться. Она считает, что это одна из самых забавных вещей, которые когда-либо с ней происходили. Она раскладывает свои таблетки по маленьким кучкам, по одной таблетке в каждой, и высыпает их по дням недели в пластиковую коробочку для таблеток. Бабуля говорит, что ей необходимо продолжать так делать и никогда не путаться настолько, чтобы пришлось перейти на систему блистерных упаковок, которая стоит денег, так что забудем об этом. Когда она случайно роняет таблетки на пол, и если она *замечает*, что уронила их, она говорит: «Бомбы сброшены, Су-ив!» Когда я слышу это, я подбегаю, падаю на пол и ползаю

вокруг ее ног, собирая их, а еще – батарейки для слуховых аппаратов, макароны и кусочки ее пазла с фермой амишей.

Сегодня бабуля наконец-то вспомнила, что я должна быть в школе, хотя я сижу дома уже пятьдесят девять дней.

– Почему ты не в школе? – спросила она. Я ничего не сказала, потому что она говорила как коп, а сама она никогда не отвечает на вопросы копов, так почему я должна.

– Из-за драки? – спросила бабуля.

Я не двинулась. Затем я сделала то, что делает бабуля, когда приходят копы, а именно: поднимает воображаемый мобильный телефон, как будто записывает их. Она сказала, что знает: дело точно в драке, потому что я возвращалась домой с запекшейся кровью на лице, с синяками на шее, с вырванными из головы пучками волос и без рукава куртки. Потом мы долго-долго молчали, просто сидели и издавали тихие звуки, а не слова. Я положила свой воображаемый телефон на стол широким жестом, как будто делала одолжение, больше не записывая ее. Большим пальцем я раскрошила хлебные крошки на скатерти. Бабуля несколько раз встряхнула коробочку с таблетками и выстроила мышь, коврик и ноутбук в один ряд. Я смотрела, как ее пальцы двигаются по столу. Ей снова пора подстричь ногти. Я не могла вспомнить, где оставила щипчики. Я посмотрела ей в лицо. Она улыбалась.

– Я рада, что ты здесь со мной, – сказала она.

– Мадам сказала, что я устраиваю больше драк, чем нуж-

но, – да если бы я знала, сколько драк мне *нужно* устраивать, то всего этого дерьма не было бы, – сказала я.

– Хм-м-м-м-м-м, – протянула бабуля.

– Они сказали, что мы коммунисты, поэтому папу где-то пытаются.

– Его нигде не пытаются, – сказала бабуля. – Кто же такое сказал?

– Дети, с которыми я подралась, – сказала я. – Откуда ты знаешь, что его не пытаются?

Я снова взяла воображаемый мобильник и направила его на нее.

Бабуля спросила, не хочу ли я продолжить нашу редакционную встречу, но я не ответила. Затем она спросила, знаю ли я, что такое биолюминесценция. Я давила хлебные крошки большим пальцем и держала свою пасть закрытой.

– Это способность создавать свет внутри, – сказала бабуля. – Как светлячок. Думаю, в тебе это есть, Суиверу. Внутри тебя горит огонек, и твоя работа – не дать ему погаснуть.

– Я слишком маленькая, чтобы работать, – сказала я.

– А еще существуют рыбы с биолюминесценцией, – сказала бабуля. – Остракоды.

Я не раскрывала рта и скрестила руки.

– Первая попытка, мистер, – сказала она. – Хорошо, вторая попытка, мистер: лучше пойдем на крышу.

Она сказала, что хочет выйти на плоскую часть нашей крыши, которая находится над кухней и столовой, и выло-

жить слова «ОПЛОТ ПОВСТАНЦЕВ» камнями или еще чем-нибудь, что мы сможем найти и что не сдует ветром. Она сказала, что эту надпись сможет увидеть Джей Гэтсби. Мне пришлось идти за бабулей, толкать ее вверх по лестнице и напоминать ей, чтобы она продолжала дышать. Она оставалась на каждой ступеньке, оборачивалась, чтобы посмотреть на меня, и издавала громкие преувеличенные звуки дыхания, чтобы доказать, что она все еще жива.

– У нас нет камней, – сказала я. Когда мы поднялись на крышу, она сказала:

– Как насчет прищепок, что разбросаны по всему заднему двору?

– Мне они нужны для других вещей, – сказала я. – К тому же их потребуется миллион. Как насчет книг вместо прищепок?

И вот это было плохой идеей, срань господня.

Мама пришла домой с репетиции и заметила, что ее книги с особой полки на третьем этаже, где они, по идее, должны стоять *вплотную, без щелей и идеально ровно*, – что этих книг вообще нет на полке, и врубил на полную режим выжженной земли. «Какого гребаного хрена!» – закричала она сверху. Я вообще не ожидала, что она пойдет на третий этаж из-за Горда и усталости, но она услышала писк детектора дыма и сказала: «Вот же блядь, кажется, это придется делать мне», так как она знает, что я не смогу до него дотянуться, даже если встану на стул, и она потопала туда с новой батареейкой.

А теперь она орет, что если я заложила книги с ее особой полки, то она, блядь, сойдет с ума! Мне захотелось сказать ей, что насчет этого она поздновато спохватилась. Она так говорит, потому что однажды я заложила шесть ее ненужных книг – не те, что с ее специальной полки, а те, которые уже лежали в гребаной коробке, чтобы отправиться в фонд для диабетиков, – чтобы купить гребаный журнал «Арчи Дайджест», который она не одобряет из-за женских стереотипов и на который она ни за что не дала бы мне денег!

Я кричала с нижней ступеньки лестницы. Она кричала сверху:

– Это книги, которые помогают мне жить! Эти книги – моя жизнь!

– А ну спускайся сюда! – кричала я. – Это я – твоя гребаная жизнь!

Когда она спустилась вниз, я протянула ей масло орегано. – Вот, прими, – сказала я, чтобы она успокоилась, но она швырнула его в стену гостиной, и бутылка разбилась, а масло потекло по репродукции Диего Риверы, которую я купила ей в Детройте ко дню рождения на бабулины деньги. Тогда она расплакалась и сказала, что ей очень, очень жаль. Я обняла ее и ответила, что все в порядке, что капающее масло добавляет картине характера – она всегда так говорит о поврежденных вещах. Например, когда я упала на лед во время защиты «Снежного городка» (я в этой игре чемпионка) и с лица у меня сошел целый слой кожи – она сказала, что

ссадины добавляют характера. А ее книги никуда не делись, они просто на крыше.

Когда мама поднялась по лестнице и посмотрела на слова на крыше, выложенные ее книгами, она прикрыла рот рукой. Из-под руки она тихо сказала мне, что будет внизу и что я могу собрать все книги и поставить их обратно в алфавитном порядке на ее особую полку, вплотную и идеально ровно. Она говорила очень зловеще-тихо. Я задумалась, не боится ли внутри нее Горд. Мне сразу захотелось ей сказать, что это бабуля придумала выложить слова на крыше, но товарищей сдавать нельзя. Когда я перетащила все книги обратно в дом и расставила их на полке в алфавитном порядке, вплотную и идеально ровно, уже стемнело. Я спустилась вниз, а мама готовила ужин и смеялась с бабулей. Не понимаю взрослых. Ненавижу их. Не знаю, взяла ли бабуля ответственность за свои действия и призналась ли маме. Возможно, нет. Это в первую очередь из-за бабули меня выгнали из школы: это она сказала мне, что иногда нужно бить людей по лицу, чтобы донести до них сообщение, чтобы они оставили тебя в покое и не обижали – но только после двузначного количества безрезультатных попыток воспользоваться словами и только до десяти-одиннадцатилетнего возраста. «Не говори маме, что я это сказала, – попросила она. – Потому что она теперь у нас квакерша или что-то в этом роде. Но ты должна защищаться».

После ужина мы с бабулей помогли маме с репликами,

и от этого мама смеялась так сильно, что немного, с чайную ложку, описалась. Бабуля выпила два стакана домашней *бор-мочухи* Уильяма. Я переживала, что это заставит ее начать разговоры про врачей-убийц, но она просто стала драматичной. Мама смеялась до упаду, когда она читала строчки за Джека, вставала из-за стола и говорила: «Я целую тебя, но мои поцелуи словно летят со скалы. Ты раздеваешься, но ты не обнажена. Что же нам делать? Что же случится?»⁹

Тогда бабуля сказала: «О, кстати-кстати!» У нее нашлась очередная история про эпичное раздевание. Много веков назад на Рождество бабуля сидела на корточках на шестом этаже склада автозапчастей в Западном Берлине, прямо у Стены. «Ты же знаешь про *Стену*, Суив, ну, *Стену!*» (Нет, не знаю.) И она смотрела в окно на Восточный Берлин и увидела молодого немецкого солдата, одиноко марширующего в гигантском пальто, которое было ему велико, и с огромной винтовкой, неуклюже свисающей с узкого плеча. Бабуля некоторое время наблюдала за ним, пока ей не удалось привлечь его внимание, а потом помахала ему, и он помахал в ответ, улыбнулся и остановился. Бабуля подышала на стекло и написала *Fröhliche Weihnachten*¹⁰ задом наперед, чтобы солдат мог прочитать, и тогда солдат торопливо выложил на

⁹ Строчки из пьесы «Подставной плакальщик», где действие разворачивается в неизвестной стране в недалеком будущем, где в обществе развивается конфликт между элитами с фашистскими тенденциями и коммунистической оппозицией.

¹⁰ С Рождеством! (нем.)

снегу сообщение для бабули, в котором говорилось: «Ich bin ein Gefangener des Staates»¹¹, а затем она медленно сняла с себя всю одежду, а он стоял один на *сумеречной площади*, под легким снегом, в тяжелом обмундировании, в пальто на узких плечиках. Когда она оказалась полностью голой, она сделала реверанс, а солдат послал ей воздушные поцелуи, зааплодировал, и они помахали друг другу на прощание. Мама сказала:

– Боже мой, это БЕЗУМИЕ!

Я тоже подумала, что это безумие, но моя мысль была не такая, как у них, скорее такая, как когда заходишь в закрытую больницу под охраной.

– Ну, я была молода, – сказала бабуля.

– Я же молода и ничего такого не делаю, – возразила я.

– Пока нет, – сказала бабуля. – Теперь это память. Интересно, помнит ли тот солдат ту ночь?

Мама встала и обняла бабулю.

– Я уверена, что да, – сказала она.

¹¹ Я узник государства.

2

Сегодня утром занавеска в маминей спальне, которая на самом деле гостиная, поэтому нормальной двери в ней нет, была сорвана с карниза. Карниз был оторван от стены, пульт от телевизора разбит, а батарейка вылетела, ручка расчески сломана из-за того, что ее бросили в штуку для приборов, штука для приборов на кухне сломалась из-за брошенной расчески, а ожерелье с нашими инициалами, которое ты ей подарил, было порвано на миллион кусочков, которые, помимо батареек для слуховых аппаратов, бабулиных таблеток, кусочков пазла с фермой амишей и макарон, мне теперь приходится собирать ползком. Хорошо, что я больше не могу ходить в школу, так что у меня есть целый день, чтобы собирать всякое дерьмо.

Прежде чем уйти на репетицию, она схватила меня и прижала мою голову к своей груди. Мне не удалось ускользнуть. Она сказала: «Мне так жаль! Мне так жаль!» Это она о своем буйстве. Я отшутилась, но она хотела, чтобы я воспринимала все всерьез. А это было слишком тревожно, чтобы воспринимать всерьез.

– Ты в ступоре, мама, – сказала я, – ты сейчас на *эмоциональных качелях*! Ты разговаривала с папой?

– Типа того.

– Типа, с папой или, типа, разговаривала? – сказала я.

– Типа, и то и другое.

Мама сказала мне и бабуле, что сегодня после репетиции пойдет в русскую спа-чайную с кем-то из актерского состава, где ее будут хлестать ветками, чтобы разогнать кровь.

– Джек? – спросила я.

– Нет, не Джек, – сказала она. – Джек – это *персонаж*, Суив!

– Будь осторожен, Горд, – тихо сказала я. Мама сказала, что из-за Горда она не будет сидеть в джакузи. Бабуля заметила, что это забавно: сто лет назад мы – то есть не *мы-мы* – чудом избежали порки и смерти от рук русских, а теперь мама добровольно платит большие деньги за то, чтобы русские ее выпороли и убили.

– Но зато потом ей нальют чай, – сказала я.

Мама сказала, что не отказалась бы и от горячей водки, но не в этот раз из-за Горда, который вечно виноват в том, что он мешает заниматься всеми самыми интересными вещами в жизни.

– Не кури! – крикнула я ей.

Потом мама открыла дверь и сказала:

– Что это за херня?

Мы с бабулей одновременно закричали: «ДОЖДЬ». Мама заметалась в поисках какого-нибудь зонтика, который не был бы *на хер сломан*, а бабуля крикнула:

– Пока! Бай-бай!

Сегодня у бабули кружится голова, когда она наклоняется.

– Так не наклоняйся! – сказала я. Она сообщила, что у нее наконец-то случилось отличное опорожнение кишечника. Спустя шесть дней. Но это не рекорд.

– А какой у тебя рекорд, бабуля?

– Рекорд был в Эквадоре, в 74-м.

Она спросила, слыхала ли я что-нибудь о *божественной женственности*. Она сказала, что ей следует чаще брать с собой в туалет кроссворд. Она не могла найти свои очки или записную книжку. Я поднесла их к ее лицу. Они лежали на столе перед ней.

– Подумать только! Я сегодня не в себе!

Потом бабуля завела рассказ часа на полтора, занявший все время редакционной встречи, о своей прежней жизни в городе русских беженцев. Она не может поверить, что прожила там шестьдесят два года, если не считать нескольких месяцев, когда она случайно стала сквоттершей в Берлине, когда поехала в Германию навестить свою старшую сестру, которая жила в *городе Черный Лес*, на родине часов с кукушкой.

– Маме надо бы туда съездить, – сказала я.

– В Шварцвальд? – переспросила бабуля.

– На родину часов с кукушкой, – сказала я.

– Меня аж в дрожь бросает! – сказала бабуля. – Я была настоящей *бунтаркой*!

Она рассказывала о своем городе.

– Город был против нас, – сказала она.

В детстве отец защищал ее от Уиллита Брауна-старшего, деревенского *uber-schultz*, который был классическим тираном, напыщенным, авторитарным, неуверенным, фрустрированным, полным жалости к себе, обиженным, завистливым, тщеславным и мстительным, вечно припоминающим все обиды, и тупым. Кроме того, он воплощал фашистское представление о высшем народе, которым, по его мнению, мы были. Ну, не все мы. Мужчины. Какой же мракобес.

– Можешь записать все это, Суив, – сказала она. – Просто сделай небольшую заметку об этом.

– Да я же записываю, – сказала я ей.

Я подняла свой телефон, и она покачала головой.

– Ах да, вечно я забываю про твою камеру. Уж постарайся, чтобы вышло смачно.

– А это был культ? – спросила я.

– Нет, – сказала бабуля. – Ну хотя да, возможно. Да, культ!

Бабуля делит людей из своего города на меннонитов Церкви братства и меннонитов Евангельской конференции. Она из Евангельской конференции. Она говорит, что люди из Церкви братства думают, что они единственные, кто попадет в рай. А еще они были первыми в городе, кто начал петь четырехчастные гармонии. Для Евангельской конференции это было смертным грехом, пока отец Сиды Реймера не стал делать так в церкви. И он принес насосный орган, что тоже было грехом. Он очень способствовал продвижению церкви.

Когда бабуля выросла, она защищала себя от Уиллита

Брауна. И она защищала от него и маму, и всех в своей семье, даже дедушку, которому это в ней очень нравилось. «Он был полностью за!» Он не умел бороться за себя. Не умел этого делать. Он становился очень тихим и уходил в долгие, долгие прогулки. Очень долгие прогулки. Иногда до кровавых мозолей на ногах. Разговор о борьбе и побеге напомнил ей о подруге из их города, которой она и еще одна их подруга помогли сбежать от жестокого мужа. Дочь этой женщины и ее подруги собрались вместе и разработали план, как увезти ее в Монреаль, где дочь жила в квартире-*лофте*. Но подруга чувствовала такую вину, что через полгода вернулась в город к мужу. Тогда все женщины молились, чтобы он умер. Что еще они могли поделать? И в конце концов он так и сделал. Это заняло пять лет.

– Это может стать нашим сегодняшним уроком математики, – сказала бабуля. – Если убийство мужика молитвой занимает пять лет, а молиться нужно шести людям в день, то сколько же молитв обозленных женщин, молящихся каждый день в течение пяти лет, нужно, чтобы замолить мужика до смерти?

Бабуля разравнивала свои лекарства на столе ребром кредитки, ожидая моего ответа.

– Десять тысяч девятьсот пятьдесят молитв, – сказала я.

– Вау, – воскликнула она.

– Я права? – спросила я.

– Кто ж знает, – сказала бабуля, – я тебе верю!

После этого мы с бабулей поехали на трамвае, чтобы встретиться с ее друзьями в «Герцоге Йоркском». Я поехала с ней, потому что у нее кружилась голова и ей нужно было опираться на меня. Каждые шесть месяцев их компания собирается вместе, чтобы отпраздновать то, что они все еще живы. Бабуля была в красных шлепках, а не в туфлях, потому что ее правая нога *раздулась как иглобрюх*. Это нога, из которой достали вену, чтобы вставить ей в грудь.

– Смотри-ка, как спортивные штаны их прикрывают, – сказала она. – Никто и не заметит, что я в шлепках.

Перед выходом я двадцать пять минут помогала ей натянуть компрессионные чулки. Она чуть не собралась пойти в одном чулке только потому, что ей не терпелось, но я заставила ее позволить мне надеть на нее второй, потому что в одном чулке она выглядела глупо. На полпути к «Герцогу Йоркскому» *подействовало ее мочегонное*, и нам пришлось сделать экстренную остановку, чтобы найти туалет. Мы вышли из трамвая и вошли в первое попавшееся здание, которое оказалось штаб-квартирой OBTRON. Там было много стекла и блестящей черной мебели, включая стол, за которым сидел охранник. Он на нас не смотрел. У него был пистолет. Глядя в свои телевизоры, он сказал:

– Прошу вас уйти прямо сейчас.

– Наверняка в этом здании есть туалет, которым я могла бы воспользоваться, – сказала бабуля.

– Боюсь, что нет, – сказал он, – они не предназначены для

общественного пользования.

– Но ей правда очень нужно в туалет! – сказала я ему.

– Не надо на меня кричать, мисс, я вас слышу. Я же сказал вам, они не предназначены для общего пользования.

– В трамвае подействовало ее мочегонное, и она описается, если ты непустишь ее в гребаный туалет, ты, фашистский придурок! – сказала я.

– Суив, – сказала бабуля.

Она сделала вид, что перерезает себе горло пальцем. Мужик наконец посмотрел на нас, встал и подошел к стойке ресепшена, держа руку на пистолете. Бабуля спросила его, не возражает ли он, если она пописает в один из их гигантских горшков у окна. Он сказал, что нет, он не может позволить ей это сделать.

– Сделай это! – сказала я бабуле. – Я разрешаю!

Она сказала:

– Нет-нет, мы поищем какое-нибудь другое место.

Она сказала охраннику, что ей очень хочется позволить себе обоссаться прямо здесь, в вестибюле, на этом блестящем полу, а он сказал:

– Мэм, у вас нет конституционного права использовать бранные слова по отношению ко мне.

Бабуля начала рассуждать о конституционных правах, но она пыхтела и задыхалась, а еще у нее по-прежнему кружилась голова, и она вроде как пошатывалась, и ей было трудно говорить.

– У тебя будет гребаный сердечный приступ, бабуль, – сказала я ей. – Я расскажу Де Сике.

– Де Сика! – сказала бабуля. – Он звонил?

– Не позволяй этому стать тем холмом, на котором ты сложишь голову! – сказала я.

– Хо-о-о-о-о-о-о-о-о, – сказала бабуля. – Ты права. Какая же нелепая последняя битва.

Я взяла бабулю за руку, и мы пошли в кофейню «Тим Хортонс» по соседству и купили два бостонских кремовых пончика, чтобы нам сказали код от туалета.

Бабуля сказала, что у меня есть легкая, легкая, легкая, *легкая* склонность временами немного перебарщивать.

– Но ты же сказала, что мы должны защищать самых уязвимых, – сказала я ей, – а это ты!

Я указала на ее шлепки и компрессионные чулки.

– Ты говорила, что в каждом виде спорта защита – это задача номер один!

Она возразила, что охранник не главный виновник. Это богатые владельцы компании, на которую он работает. А он просто делает свою работу так, как ему было велено, не позволяя каким-то дамам писать где попало в этом здании. Бабуля сказала, что он мог нарушить правила и позволить ей воспользоваться туалетом, но он слишком боялся, что это будет записано на пленку, и тогда он потеряет работу, и тогда его семья умрет с голоду. Она сказала, что это *он* самый уязвимый. И тут я разозлилась, потому что я всего лишь стара-

лась поступать правильно. Я шла слишком быстро для бабули, так что она не могла дышать. Потом мне захотелось плакать, потому что я злилась на себя и на всех вокруг. Я притормозила, чтобы бабуля не умерла. Она была занята попытками выжить и не заметила, что в моих глазах стоят слезы. Борьба так тяжело, и все же мы никогда не должны останавливаться!

Я легла и попыталась вздремнуть в кабинке в «Герцоге Йоркском», пока бабуля и ее друзья обедали и разговаривали о своих телах. У Уайлды синдром синего пальца и опущение тазового дна. И о врачах-убийцах. И о недоразумениях, и о «Вызовите акушерку», и о капитализме, и о *шпионаже*, и об экзистенциальной тоске, и о королевской семье, и об Иране, и об автобусных турах в сравнении с круизами, и о внуках, и о хлопке, и о шелковом белье, и о завещаниях при жизни, и даже о тебе, пап.

– Ты знаешь, где он? – спросила Уайлда бабулю. Я закрыла глаза и стала ждать ответа. Потом Уайлда сказала:

– Ах, ну да.

Бабуля, должно быть, указала на меня и покачала головой, запечатала рот и выбросила ключик. Одна из женщин, Ида, спросила остальных, выберут ли они *путь ассистированного суицида*. Она рассказала женщинам, что ее подруга из «Аякса» выбрала путь ассистированного суицида, и ее последними словами были: «А-а-ах, покой». Уайлда сказала:

– Покой от чего? – Она шутила. – От вишневого чизкейка?

Все засмеялись, а потом вздохнули. Бабуля сказала:

– Ох, ну разве это не прекрасно.

Она правда так считает, но по ее голосу я понимаю, что она грустит и злится из-за того, что дедушка и тетя Момо не смогли пойти путем ассистированного суицида.

– А ты выберешь это, Эльвира? – спросила Уайлда.

– Чтобы мне помогли умереть? – сказала бабуля. – Конечно, да!

На днях она заполнила все формы во время перерыва на игре «Рэпторс».

– Все очень просто, – сказала она.

Уайлда сказала, что волнуется о том, что не успеет со всеми попрощаться перед смертью. Как она сможет со всем этим управиться, если будет занята *умиранием*.

Бабуля сказала:

– Без проблем. Давайте прощаемся прямо сейчас и покончим с этим! Мы друзья, мы любим друг друга, мы знаем это, мы хорошо проводили время, и однажды мы умрем, независимо от того, помогут нам с этим или нет. Прощайте!

Они все решили, что это хорошая идея, поэтому попрощались друг с другом и покончили с этим. Потом бабуля рассказала им историю о том, как подействовало ее мочегонное, и о мужике с пистолетом, и они расхохотались.

– Он просто не понимал! – сказал кто-то из них. – Они просто не понимают. *Они просто не понимают.*

Когда принесли счет, они изучали его и раздумывали це-

лых полчаса, а потом все положили неправильную сумму в центр стола, и Уайлде пришлось пересчитывать ее пять раз и кричать, чтобы все перестали ее сбивать.

По пути домой в трамвае я насчитала двенадцать человек из *всех слоев населения*, которые смотрели на бабулины шлепки. Ей было все равно. Она смеялась. Мне хотелось, чтобы она натянула на них спортивные штаны, но она сидела, и поэтому спортивные штаны задрались еще выше, обнажив даже компрессионные чулки и часть ноги. А еще она пукнула в трамвае и в перерывах между *приступами смеха*, едва дыша, шепнула мне, что ей очень жаль, что она позорит меня, и что когда я была ребенком и мы находились вместе в общественных местах, она говорила, что это я пукнула, а не она. Мне придется научить Горда быть сильным и бдительным. Дети – это козлы отпущения. Потом бабуля заснула, положив голову мне на плечо, на шесть остановок.

Два человека, стоявшие в проходе, начали спорить. Женщина говорила мужчине: «Послушай, ты должен осознавать сам факт: ты отвратителен для любой женщины моложе сорока лет». Мужчина ответил: «Могла бы сказать – моложе тридцати пяти». «Нет, серьезно, чувак, – сказала женщина. – Сорока». Мужчина сказал, что она сошла с ума. Он заявил, что она должна сказать «тридцать пять». Она заявила, что ни за что не скажет «тридцать пять». Они уставились в окна в противоположных направлениях.

Мы зашли в «Севен-Элевен», чтобы купить попкорн для

микроволновки на игру «Рэпторс». Все тот же парень сидел на бордюре в бабулиных спортивных штанах «Виннипег Джетс». Он не узнал ее. Он попросил у меня мелочь.

– У меня нет, – сказала я.

– Роберт, – сказал он.

– Извините, у меня нет.

– Роберт.

– Извините, у меня нет, Роберт.

Мама поздно пришла домой с репетиции и сказала, что в обоих концах нашей улицы стоят полицейские машины.

– И что вы на этот раз натворили, ребята? – спросила она у нас.

Прозвенел дверной звонок.

– Бейсбол!

Это был Джей Гэтсби. Он увидел, как мама возвращается домой. Она открыла дверь и сказала:

– Пятнадцать миллионов долларов.

Джей Гэтсби сказал:

– Пожалуйста, мы можем просто...

– Тридцать миллионов долларов наличными.

Мама захлопнула дверь. В нее снова позвонили.

– Бейсбол!

Это были двое полицейских с двух концов улицы. Они состояли из сплошных улыбок. Они держали в руках пистолеты. Они спросили маму, позволит ли она им задать ей

несколько вопросов. Она сказала «нет». Они спросили маму, не замечала ли она здесь в последнее время какую-либо подозрительную деятельность.

– Только вашу, – сказала она.

– Закрой дверь, дорогая, – сказала бабуля.

Мама спросила копа, можно ли ей на секундочку взглянуть на его пистолет.

– Милая! – сказала бабуля. Она доковыляла до входной двери и сказала: – Вон, вон отсюда, спасибо, Рыцарь дорог, – а затем закрыла ее.

Я сделала макароны с сыром. Мы ели их и смотрели игру. Бабуля пила красное вино, а мама пила воду из-за Кайфолома.

– Не называй так Горда, – сказала я. Мама сказала, что шутит, но это неправда.

– Просто обожаю, когда Кайл Лоури впадает в ярость, – сказала бабуля. Мама молчала.

– Не знаю, почему Маккоу вечно скачет по углам, – сказала бабуля. – Кого он изображает, *Щелкунчика*? Кажется, это не такая уж эффективная защита, чем когда они просто стоят на своем. Я имею в виду – руки поднял, ногами уперся, верно, Суив? – Я кивнула. – Все, что им нужно сделать, – это подождать секунду, пока Маккоу сделает свой рывок, а затем они исполняют трехчковые, – сказала бабуля. – Курам на смех!

Мама ничего не говорила. По ее лицу бежали слезы.

Бабуля встала, присела рядом с мамой, погладила ее по ноге и спросила, как прошел ее день. Она положила мамины ноги к себе на колени и потеряла их. Мама сказала, что, кажется, она обидела помощницу режиссера. Помощница режиссера сказала маме, что у нее нет времени читать книги, а мама ей ответила: «У тебя есть время смотреть Нетфликс по три часа каждый вечер, но нет времени почитать книгу?» После этого, сказала мама, помощница режиссера ведет себя *странно*. Она не отдала маме записи вовремя, поэтому мама пропустила кучу реплик и выглядела идиоткой.

– Я думаю, ты просто параноишь, мам, – сказала я. – Изза Горда и всего остального.

Мама сказала, что беременность не делает человека параноиком.

– А я бы параноила, если бы у меня внутри рос совершенно другой человек, – сказала я.

– Тогда обязательно используй противозачаточные, – сказала она.

Почему она вечно говорит всякие отвратительные вещи. Она сказала, что отправит помощнице режиссера эсэмэску с извинениями. После этого она перестала плакать. Отпила всего один глоток бабулиного вина. Потом сказала, что Серж Ибака *чрезмерно* красив. Она сказала: «Идите на хер со своим счастьем» – во время рекламы стейк-хауса «Кег» и стала кидаться попкорном в телевизор – я поднимала его и подбрасывала в воздух, а потом каждый раз ловила его ртом.

Затем она снова начала волноваться, потому что помощница режиссера не ответила, что все в порядке. Бабуля сказала:

– Не переживай, дорогая, она, наверное, просто занята, смотрит свой Нетфликс.

Прошлой ночью я спала с мамой. Между нами устроился Горд. Мама спала, положив руку на подбородок, как будто думала всю ночь.

Уходя на репетицию утром, мама сказала мне не забыть впустить крысиного чувака.

Бабуля смотрит свои шоу по очереди. Она пересматривает одни и те же эпизоды «Зовите акушерку», «Убийства в Мидсомере» и «Мисс Фишер» по два-три раза, потому что всегда засыпает на середине серии, несмотря на все эти вопли и убийства, и считает маловероятным, что она заснет в одном и том же месте дважды, поэтому каждый раз во время просмотра она находит новые подсказки и информацию. Бедная бабуля. Сегодня у нее комбо, мороженое «Сандей» из трех шариков: подагра, невралгия тройничного нерва, стенокардия. И сверху вишенка в виде артрита. Я подстригала ей ногти на ногах и пыталась выпрямить ее пальцы. Корни ее дерева, как она их называет.

– Хо! – сказала она. – Ну ты чего? Это всего лишь боль. Мы не беспокоимся о боли. Это не опасно для жизни.

По ее словам, победят не те, кто может причинить больше всего боли, а те, кто может больше всего боли вытерпеть.

– Как скажешь, – сказала я.

– Это слова одного ирландца, солдата республики, – ска-

зала она мне.

– Ты знаешь, как *его* зовут? – спросила я. – Шифр?

– Теренс Максуйни¹², – сказала она. – Слышала о восстании на Пасхальной неделе 1916 года?

– Конечно, нет, – сказала я. – Это ты про Иисуса?

Я говорила серьезно. Она начала смеяться, но смех перешел в кашель. Мне пришлось перестать обрезать ей ногти, а ей пришлось использовать нитроспрей три раза, что является максимумом, после которого либо звонишь 911, либо просто умираешь.

– Бейсбол!

Это был крысиный чувак. Он сказал, что мама позвонила ему, потому что увидела крысу. Бабуля сказала, что это она видела крысу.

– Такую большую, – сказала она. Она расставила руки. – Длинный хвост. Черный. Она выбежала из *фойе*, потом побежала за пианино, потом туда, за *сервант с фарфором*, а потом на кухню и вниз по лестнице в подвал.

– Хм-м-м, – сказал крысиный чувак. – А это была не мышь?

Бабуля сказала, что это точно не мышь. Она прошаркала в свою спальню с ходунками и оставила меня наедине с крысиным чуваком. Он осмотрел весь дом и сказал, что не заметил никаких следов крыс. Он бросил немного крысино-

¹² Лидер войны за независимость Ирландии, умер на 74-й день голодовки в тюрьме.

го яда в технический лаз в подвале. Он хотел показать мне, что делает, но я не собиралась приближаться к этому лазу и осталась наверху. Затем он сел со мной за обеденный стол и начал заполнять свой отчет и счет. Он говорил очень тихо. Он сказал, что животные, даже крысы, просто пытаются позаботиться о своих детенышах и выжить. Он сказал, что развод просто ломает тебя, и приходится заново изобретать себя. Я кивала. Он сказал, что общается со всеми животными. Когда он ездил в Мексику со своей женой, ему на голову садились пеликаны. Собаки защищают его в чужих домах, когда он борется с вредителями. Чайки следуют за ним. Он ищет внутреннего покоя и равновесия. Он сказал мне, что я должна войти в контакт со своим внутренним *существом*. Я подумала о Горде. Не хочу иметь внутри себя никакое существо. Он сказал, что чувствует близость со всеми животными, даже с крысами, даже с муравьями и мотыльками. Он оставил счет на сто шестьдесят долларов и сказал, чтобы мы звонили ему, если бабуля снова увидит крысу. Он подмигнул.

Я отдала бабуле счет и сказала, что крысиный чувак мне подмигнул, и это ее разозлило. Он что, думает, она не знает, как выглядит крыса? Она сказала, чтобы я не говорила маме ни о крысе, ни о счете, потому что мама скажет, что это бабулины лекарства сводят ее с ума.

– Твоя мама хочет, чтобы я пользовалась эфирными маслами, – сказала она. – Слышала про них? Конечно, нет. Они

ненастоящие. А крыса настоящая. Эфирные масла, ага, щас.

Мама рано вернулась домой с репетиции. Она сказала, что она *так вымотана*, а помощница режиссера все еще ведет себя странно, а между тем сам режиссер сказал, что присутствие мамы в спектакле может стать *обузой*. Кроме того, он сказал, что они могут вообще отменить спектакль, потому что правительство угрожает сократить их финансирование, если они продолжат ставить пьесы Антифа¹³. Она пошла в свою комнату и захлопнула дверь.

Мы с бабулей сидели за обеденным столом. Бабуля задумалась. Она скрестила руки и положила их на свои гигантские сиськи, которые выглядят как полка размером с мой мини-синтезатор «Касио». У нее много коричневых пятен на руках. Похоже, они объединяются, чтобы создать совершенно новую кожу. Она уменьшила свое лицо. Вперед, в бой. Она уронила батарейки для слухового аппарата на пол, но не заметила этого. Пока я ползала по полу в поисках, она сказала, что у нее есть друг по имени Эмилиано Сапата¹⁴, который сказал, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Я сказала: «Очень смешно», а она погладила меня по голове и сказала, что я хороший ребенок.

– Так, давай, домашнее обучение, – сказала бабуля. – Во-первых, судоку. Я засекаю время. А у тебя сегодня было ОК?

¹³ Антифа – антифашистское движение.

¹⁴ Лидер Мексиканской революции 1910 года.

Я не ответила. Она сказала, что, если я выпущу то, что заперто внутри, это меня спасет. Если я выпущу то, что у меня внутри, это меня уничтожит. Евангелие от Фомы. Она так смеялась, что я уже готовилась использовать на ней прием Геймлиха.

– Да, – сказала я. – Я покакала, бабуля, окей? Прекрати задыхаться! У меня было ОК!

Я пыталась спасти ей жизнь. Она сказала:

– Хорошо, хорошо. Начинай!

В уголках ее рта собрались маленькие пузырьки слюны. Она вытерла их и сказала:

– Хо-о-о-о-о-о-о.

Судoku был первым уроком дня. На самом деле первым уроком было яйцо пашот. Бабуля показала мне *кровавое яйцо*. Она выбросила его и разбила другое, в котором не было крови. После яйца был кроссворд судoku, и бабуля научила меня некоторым латинским медицинским терминам. Затем мы проанализировали наши сны. Я рассказала ей, как мне снилось, что повсюду на улице стояли батуты, все они были соединены, чтобы мы могли прыгать на работу, в школу, на репетиции, куда угодно. Бабулино лицо уменьшилось, пока она раздумывала. Ее лоб сморщился.

– Как думаешь, что это значит, Суив?

– Откуда, черт возьми, мне знать? – сказала я ей. – Они мне просто приснились.

Мы с бабулей поиграли в мяч сидя. У нее есть специаль-

ный резиновый мячик с маленькими шипами. Еще у нее есть такая резиновая эластичная штука, которую она должна растягивать и тренировать руки, но она забросила ее в корзину для белья вместе с дыхательным аппаратом. Она ее ненавидит. Она распилила свой детектив на три части ножом для хлеба – так ей проще его держать, когда разыгрывается артрит. Это стало уроком математики – я должна была рассчитать так, чтобы все части ее распиленной книги были с одинаковым количеством страниц.

– Не говори маме, – сказала она. Бабуля уже распилила мамину «Анатомию меланхолии» на шесть частей, потому что книга была огромная – по семьдесят две страницы на каждую часть, не считая все страницы примечаний в конце, которые ей не нужны. Она спрятала части в корзине для белья, чтобы мама не узнала. Бабуля надеется, что мама никогда не вспомнит, что у нее была эта книга, и не отправится на ее поиски, но даже если она и вспомнит, то она ее не найдет, потому что бабулину одежду стираю я.

– Лучше не читать распиленную часть, когда мама рядом, – сказала я.

Мы с бабулей разыграли то, что произойдет. Я играла роль мамы.

– Эй, – сказала я. – Это же одна шестая часть моей «Анатомии меланхолии»?

– Не-е-ет, – сказала бабуля. – Это брошюра из больницы.

– Нет! – сказала я. – Ты покромсала мою «Анатомию ме-

ланхолии»! Как ты могла?

– Это было легко, – сказала бабуля. – Я использовала хлебный нож.

– Серьезно, бабуля, – сказала я, – тебе лучше не показывать ей, что ты это читаешь.

– Я и не собираюсь читать книгу под названием «Анатомия меланхолии», – сказала бабуля, – ты, должно быть, шутишь!

Еще на уроке математики мне нужно было выяснить, когда мы с бабулей встретимся на шкале роста, которую мы отмечаем на двери между кухней и столовой.

– Если я сейчас ростом пять футов один дюйм, – сказала бабуля, – а ты четыре фута пять дюймов, и если ты растешь со скоростью два с половиной дюйма в год, а я стаптываюсь со скоростью одной четверти дюйма в год, то когда мы встретимся на шкале?

– Через три года и четыре месяца, – сказала я.

– Может быть! – сказала бабуля. – Кто знает, посмотрим!

– В настоящей школе ты бы знала, правильно я посчитала или нет, – сказала я ей.

– Это неточно, – сказала она. – На самом деле это урок терпения, а не математики, поэтому нам придется подождать, чтобы выяснить это. Мы продолжим проверять! Нам нужно то, чего можно с нетерпением ждать. Хочешь носить мою одежду, когда мы станем одного размера? О, гляньте-ка – что за ужас на твоём лице! Тебе не нравится мой шикарный

спортивный костюм? Это велюр! Ха-ха-ха-ха. Плевое дело!

Следующим уроком был «Боггл»¹⁵. Сначала настоящий, а затем ненастоящий, когда мы составляем из букв свои собственные слова, которых не существует, и менее чем за минуту объясняем друг другу, что они означают. Бабуля все записывает. Она рассказала мне, что такое шифр-ключ. Потом у нас была готовка на скорую руку. Мы приготовили кассероль выживальщика¹⁶ и торт-1-2-3-4¹⁷ за шестнадцать минут, что стало рекордом. Бабуля это записала, что в ее случае означает – записала на бумаге. Бабуля все любит делать быстро. Когда она хочет выйти, а мы с мамой еще не готовы, она кричит: «Посадка в автобус в седьмом ряду!» Мама ужасно злится, когда бабуля убегает по тротуару прежде, чем мама успевает помочь ей надеть туфли. Однажды в разгар метели бабуля была *непреклонно настроена* пойти в свой книжный клуб, потому что они читали Еврипида¹⁸, бабулиного ровесника. Она сказала, что они одного возраста и делили парту в школе. Тогда она была ростом пять футов семь дюймов, и Еврипид ей завидовал. Ей приходилось помогать ему во всем, потому что он был мечтателем. Она убежала в книж-

¹⁵ Игра наподобие «Эрудита».

¹⁶ Запеканка из пасты, консервированного тунца или курицы, грибного бульона и сыра.

¹⁷ Торт получил такое название из-за пропорций ингредиентов: 1 стакан масла, 2 стакана сахара, 3 яйца и 4 стакана муки.

¹⁸ Древнегреческий драматург и один из крупнейших представителей классической афинской трагедии (480-е – 406 до н. э.).

ный клуб до того, как я или мама успели ее поймать. Шла очень сильная метель, и бабуля была *гребаной психичкой* из-за того, что вышла на улицу в такую погоду. Она пришла домой через несколько часов, как *гребаный Ахиллес, вернувшийся из Трои*. Мама была так зла, что не помогла бабуле снять зимние сапоги. Бабуля торжествовала. Ее лицо было красным, она была вся в снегу. Она сказала, что добралась до трамвайной остановки по обледенелым улицам, бросая шерстяную шапку на землю для сцепления и наступая на нее, а затем поднимая ее и снова бросая на землю и наступая, и так далее и тому подобное, пока не добралась до остановки, а потом она попросила стоящих там очень красивых парней запихнуть ее в трамвай, и вот так она добралась до Еврипида.

– А как ты вернулась? – спросила я ее. Мама уже ушла швыряться вещами в другую комнату. Она не хотела слушать, как бабуля вернулась.

– Я просто сделала так же! – сказала бабуля. – Давненько я не бывала в компании такого количества красивых мужчин! Если не считать ту последнюю поездку на «скорой». Они просто обожают мне помогать! Мы с вами, говорят. Вы в порядке. *Мы с вами*. Разве это не чудесно?

Следующим уроком была древняя история (превращенная в современную). Бабуля рассказала мне, что когда она родилась, ее маме было так плохо и тяжело, что она подумала, что умирает, поэтому она ушла из больницы и пошла домой – что еще она могла сделать? Она оставила бабулю в

больнице на попечение медсестер. Вот почему бабуля потом захотела стать медсестрой. Они любили бабулю и ссорились из-за того, кто будет ее держать следующей. У бабулиной мамы дома было еще четырнадцать детей, о которых нужно было заботиться, поэтому она поправилась и *послала за бабулей*. Когда бабуле исполнилось восемь лет, отец дал ей работу. Если дом начинал наполняться дымом, ей приходилось бежать вниз и ворошить лопатой уголь. Она спала в коридоре, и у нее был хороший обзор, чтобы следить за дымом. Когда ей исполнилось восемь лет, родители выгнали ее из своей кровати и положили в детскую кроватку в коридоре, потому что она была маленькой для своего возраста и потому что у них кончились кровати и спальни. Бабуля была достаточно проворна, чтобы выпрыгнуть из кроватки при первом намеке на дым. Остальные члены семьи могли *нежитья в забвени*, пока маленькая бабуля сгребала уголь и спасала их всех от удушья во сне. Родители ее очень любили. Ее отец был *изгоем*, который стал богатым лесорубом, а ее мать была *набожной* тринадцатилетней служанкой в городе, и бабулин папа дважды оставлял ее у алтаря, потому что ему нравилось зависать в лесах с мужиками, и он не знал, готов ли остепениться и завести пятнадцать детей с бедной служанкой. На самом деле он хотел жениться на другой женщине, но братья той дамы сказали: ну уж нет – она не может выйти замуж за какого-то дикого лесоруба. Затем с той женщиной случилось несчастье, и она *стала другим человеком*. Бабулин отец по-

строил их дом из самого крепкого дерева, дуба, чтобы старшие братья бабули не разрушили его своими хулиганскими *выходками*. Они буквально свисали со стропил, бросались вниз по лестнице и все время бились телами о стены. Они жили в городе на главной улице рядом с лесопилкой. Когда бабуля ходила играть со своими друзьями, которые жили на фермах, они дразнили ее за то, что она не знает, как извлекать жидкости из животных или убивать их. Один из них заставил бабулю отрезать курице голову. Потом они съели эту курицу на ужин и гнались за бабулей до дома, размахивая куриными лапками и головой. На гравийной дорожке бабуля развернулась и сказала им всем идти к черту – нельзя так обращаться с гостями. Когда она вернулась домой, у нее были проблемы с Уиллитом Брауном из-за того, что она сказала фермерским детям идти к черту, но ее отец велел Уиллиту Брауну перестать лицемерить. Дети – это просто дети. *Спуститесь с вашей кафедры*. Бабулин папа прогнал Уиллита Брауна с крыльца и дал бабуле плитку шоколада, которую купил в городе. Каждый раз, когда он возвращался из города, он покупал для нее шоколад. А однажды – кружку с надписью *Fino alla fine*¹⁹.

Когда бабулин отец умер, ее братья взяли дела в свои руки и оставили своих сестер в нищете. Они даже украли дом, который должен был достаться девушкам. Они заставили всех рабочих на фабрике молиться вместе каждые девяносто ми-

¹⁹ До самого конца (*ит.*).

нут и пообещать Богу, что они не будут создавать профсоюз. Бабуле было пятнадцать лет. Братья отправили ее в Ома-ху, штат Небраска, изучать Библию и работать горничной *в американской семье*. Они хотели, чтобы она нашла мужа или стала миссионеркой, чтобы о ней заботился кто-то другой, а не они. «Это патриархат, Суив, запиши». Я помахала телефоном перед ней.

Однажды жена бабулиного брата почувствовала себя очень виноватой из-за того, что случайно вышла замуж за все семейные деньги, в то время как у *законных наследниц*, бабули и ее сестер, семейных денег не было, поэтому она выписала бабуле чек на двадцать тысяч долларов. Бабуля *со всех ног* кинулась в банк, чтобы обналечить его, прежде чем ее племянник успел остановить платеж по чеку. Позже он сказал бабуле, что его мама, жена ее брата, была не в своем уме, когда отдавала бабуле тот чек. Всякий раз, когда она проявляла великодушие, ее семья называла ее сумасшедшей. Бабуля использовала эти деньги, чтобы погасить кучу кредитов и купить сетчатую дверь, с которой она могла чувствовать вечерний бриз и не быть съеденной комарами заживо после того, как весь день бродила под палящим солнцем прерии. Она всю жизнь мечтала о сетчатой двери. За несколько лет до этого она попросила своих племянников продать ей сетчатую дверь, сделанную в их семейном бизнесе, по себе-стоимости, но ее племянники сказали, что, увы, это невозможно, потому что если они отдадут бабуле сетчатую дверь

по себестоимости, то придется раздать всем их теткам по сетчатой двери по себестоимости, и чем тогда все это кончится? Кроме того, племянники сказали, что они производят *элитную продукцию*, которая, вероятно, не подойдет для бабули. «Что это вообще значит?» – спросила меня бабуля.

Бабуля тренировалась на своей «Газели», когда рассказывала об этом. «У меня в голове стоит образ», – сказала она. Она рассказала, как однажды, когда она была молодой, она шла по улице. Она замерзала до смерти. Было ниже тридцати градусов. Дул сильный ветер. На улице больше никого не было. Это происходило в ее городе. Она не знает, почему она гуляла по улице, когда было так холодно и дул такой сильный ветер. Я спросила ее, было ли ей грустно. Она все еще пыхтела на своей «Газели». Она сказала, может быть, да, может быть, нет. Может быть, ее послали с каким-то поручением в тот день. Она шла и замерзала. Она была в ярости, вдруг вспомнила бабуля. Она была злая, а не грустная. Не было никакого поручения. Затем она увидела трех человек, они шли к ней сквозь клубящийся снег. Им пришлось приблизиться, прежде чем она смогла их разглядеть. Это была пожилая старушка и два ее внука. У бабушки прямо изо рта торчала зажженная сигарета. Она не шевелилась в ее губах. На каждом мальчике было по одной варежке. В руках, тех, что были без варежек, они держали фруктовое мороженое. Они его облизывали. И все они были счастливы. Все они улыбались. Стоял мороз минус тридцать градусов. Выл

ветер. Бушевала степная метель. Вокруг никого не было. Бабуля оказалась рядом с ними на тротуаре. Старушка сказала бабуле, которая тогда была молодой и не бабулей: «Не так уж и плохо, а?» Сигарета торчала у нее изо рта, даже когда она разговаривала.

Я спросила бабулю, почему она вспомнила об этом именно сейчас. «Не так уж и плохо, а?» – повторила бабуля. Она сказала, что у нее часто бывают такие воспоминания. Обычная вспышка-воспоминание.

Мама вышла из своей комнаты в слезах. Она пошла с бабулей в спальню, и они закрыли за собой дверь. Я поставила кипятиться воду для макарон. Затем мама вышла из спальни и спросила, не хочу ли я сходить с ней в канцелярский магазин, чтобы купить мне блокнот, а помощнице режиссера – открытку, которая бы объяснила, как она сожалеет обо всей этой фигне из-за Нетфликса. Бабуля подошла следом за ней и сказала, что сама закончит готовить ужин.

В магазине канцелярии мама слетела с катушек в очередной раз. Я уже понимала, что она в ярости, потому что она назвала невинных белок на крыльце засранцами. «Свалите, засранцы!» Им пришлось спрыгнуть с перил в соседский двор, как камикадзе, чтобы спастись от мамы. «Братья Уолленда»²⁰, – сказала мама. «Они же просто белки», – сказала я. Маме плевать, кто они. Они маленькие мстительные урод-

²⁰ Известная труппа акробатов.

цы. Из-за них начинаются пожары. Мы стояли у кассы двадцать минут, которые мама потратила, записывая свое извинение в открытку. Когда мы наконец добрались до кассы, чтобы заплатить, мама воспользовалась поверхностью прилавка, чтобы быстро написать адрес на конверте, но мужчина с *сияющими резцами*, владелец магазина, который стоял за прилавком, попросил нас с мамой отойти, если мы будем так добры, чтобы он мог рассчитать других клиентов. Мама сказала, что просто напишет адрес на конверте, это займет пять секунд, и потом он сможет продолжать содействовать капитализму. Владелец магазина сказал, что им нравится *поощрять* своих клиентов брать открытки *домой*, а затем не торопясь делать с ними что-нибудь *креативное*. Тогда мама действительно перестала торопиться, пока дописывала адрес, облизывала конверт и клеила на него марку. Когда она закончила, то огляделась и сказала, что единственная креативная вещь, которую она увидела в этом *тусклом и стильном* магазинчике, – это наценка на дрянной ассортимент, который тут продается, и, возможно, его хозяину следует *накреативить* место, где платежеспособным покупателям будет удобно подписывать свои конверты, те самые, которые они покупают с креативной наценкой в этом самом магазине, и не ждать, что люди купят чертову открытку и конверт, вернуться домой, прочитают «Путь художника», вдохновятся, скреативят милое сообщение, опять выйдут на улицу, найдут сраный почтовый ящик, который еще не свороти-

ли наркологи, забросят эту штуку в щель, трижды поскользнутся на льду, сломают себе копчик и вернутся домой, пока на каждом гребаном углу стоят копы, а гребаные инновационные холодильники следят за каждым твоим гребаным движением. Владелец магазина сказал, что это невероятно интересная идея, он подумает над ней, но пока ему нужно позаботиться о покупателях. Мама сказала, что, когда владелец магазина открыл рот, она почувствовала себя тем ребенком в «Ближних контактах третьей степени», который открыл дверь инопланетянам и почти ослеп.

Я потянула маму за руку и очень тихо сказала владельцу магазина, что мама беременна. Мама закричала: «Дело не в беременности!» Когда мы уходили, она попыталась сорвать звенящую штуку с двери. В магазине все молчали. Мама пыхла всю дорогу домой. Она не могла вынести, каким стильным был тот магазин и какими белыми были зубы у владельца. Я начала было говорить: «А ты и правда ненавидишь инновационные холодильники, да?» Но к тому времени мама ушла в свой собственный мир, тихо рыча и пытаясь снизить частоту сердечных сокращений с помощью своего драгоценного метода Александера.

Бабуля приготовила для нас макароны, сервировала их на гватемальских тканых салфетках, со свечами в особых подсвечниках из синего стекла, которые тетя Момо подарила ей за две недели до смерти. Бабуля пыталась расслабить маму, заставить ее смеяться или хотя бы раздвинуть губы в подо-

бии улыбки. Она спросила маму, знает ли та позы для секса во время беременности. Ее подруга Уайлда сказала, что ее дочь ведет предродовой курс в благотворительной ассоциации «Уай», и это просто удивительно, на что способно тело и что оно может *принять в себя*. Мама сказала:

– О господи, мама, да с кем мне заниматься сексом?

Бабуля сказала: нет, ну конечно нет, она в курсе, это она так говорит, вообще. Она начала перечислять позы, в которых удобно заниматься сексом.

– Стоп! – сказала я.

– Хо! – сказала бабуля. – Почему бы не поговорить об этом?

– Потому что это не смешно.

– Смешно! – сказала бабуля.

– Это не должно быть смешно!

Мама сидела скрестив руки. Ее голова была сильно наклонена вправо.

– Хорошо, – сказала бабуля. – Ты хочешь, чтобы бабушки всегда были забавными уроками истории, а не Камасутры. Ну, я восемнадцать лет носила платье, сделанное из веток, и у меня не было ни обуви, ни мобильного телефона в твоем возрасте, Суив. Так лучше? Когда мы с Еврипидом, Запато́й, Макклангом были молоды, нам приходилось есть деревья и пить собственную мочу, чтобы выжить. К счастью, у нас было два набора острых зубов, как у акул. Наши дедушки и бабушки были акулами. Нам приходилось посещать их на Рож-

дество и Пасху под водой. Они очень нас любили. Они заставляли нас очень много есть. Они не говорили по-английски. Они были такими скользкими, что было трудно обнять их на прощание. Мы смеялись над тем, какими скользкими были бабушка и дедушка. И люди тогда впадали в спячку, не только медведи. Мы все спали с конца октября до начала апреля.

– Нет! – сказала я. – Это же неправда.

– У нас были жабры, – сказала бабуля.

Ее прервала мама. Мы с бабулей улыбнулись, мы были счастливы, что мама наконец что-то сказала.

– Почему бы тебе не рассказать ей о том, как ты угнала машину, – сказала она.

– А-а-а! – сказала бабуля. – Вот это уже разговор. Однажды я случайно угнала машину со стоянки магазина «Пеннер Фудс», и когда я позвонила копу Соберингу, чтобы сообщить об этом, он спросил, не планирую ли я вернуть ее. Я сказала: да, и он сказал: хорошо, хорошо, не проблема. Я сказала, что, прежде чем вернуть ее, я бы быстренько съездила сделать несколько дел в городе. Да, все в порядке, сказал он. А еще я хотела бы съездить в город и посмотреть фильм, сказала я ему. Хм-м-м, сказал он, ну, все должно быть в порядке. А потом, сказала я, будет уже поздно, так что я бы просто поехала домой и вернула бы машину утром, если вы не против. Конечно, сказал Соберинг, звучит неплохо. Настоящий владелец машины все равно будет спать. О, доба-

вила я, только что вспомнила, завтра утром у меня экзамен по вождению. Шесть месяцев назад у меня отобрали водительские права за каскадерское вождение, и мне нужно пересдать тест, чтобы вернуть их. О, сказал Соберинг, верно, тебе лучше сперва этим заняться. Ты же не хочешь водить машину без действующих прав.

Бабуля была в *прекрасном расположении духа*. Она выпила немного канадского рома из итальянской бутылки, но, верьте или нет, на этот раз она не говорила о врачах-убийцах. Она так увлеклась, что забыла принять лекарства после ужина. Потом вспомнила. Ее коробочка с таблетками раздражала ее тем, что пластиковая крышка на одном из дней недели была сломана, и из нее все время выпадали таблетки.

– Бомбы сброшены, Суив! – кричала она мне, пока я ползала под столом в их поисках.

– Крошечная, белая и круглая! Длинненькая и розовая, с рисклой посередине! Это я не знаю, что за таблетка! И не говорите мне, что пришло время блистеров!

После таблеток бабуля заставила меня сходить к ней в спальню и взять коробку с фотографиями. Она показала нам с мамой фотографию своих старых русских предков. Никто из них не улыбался. Они словно готовились к казни. Бабуля назвала по именам каждого из них и рассказала, как они связаны с нами. Маме стало скучно, и она начала с кем-то переписываться, быстро поднимая голову между сообщениями, чтобы на секунду взглянуть на фото.

– Этот, который держит руку на плече старой женщины, – ее сын, – сказала бабуля.

Он тоже был старый. Единственной, кто сидел в кресле, была какая-то старушка. Все остальные стояли вокруг или позади нее.

– Эта молодая девушка, положившая руку на другое плечо старухи, стала моей бабушкой, – сказала бабуля. – В конце жизни она была огромной. Раньше мы вместе плавали по Соколиному озеру. Я очень любила ее. А у этого мальчика были проблемы с кровью. И гляньте-ка на старуху в кресле, – сказала бабуля.

Я ткнула маму, чтобы она перестала писать и посмотрела на фото.

– Она мертвая, – сказала бабуля.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Дайте мне посмотреть, – сказала мама, взяла фотоальбом и поднесла его к лицу.

– Ну, она просто мертва! – сказала бабуля. – Тогда так делали. Фотографии были запрещены, но иногда, особенно после того, как кто-то умирал, люди жалели, что у них не осталось фотографий на память, поэтому они быстро вызывали фотографа, который приходил и делал снимок до того, как человека похоронят.

Мама с бабулей заговорили о другом, и все время, пока они разговаривали, раскрытый альбом с фотографией покойной лежал на столе. Я старалась не смотреть на него, но

не могла удержаться. Маме с бабулей было все равно. Они про него шутили. Они не смотрели на него во время разговора. Я пыталась подольше не смотреть на фото. Я считала секунды. Но постоянно смотрела. Я посмотрела на молодую девушку, которая стала *бабулей бабули*! Ее рука лежала на мертвце.

4

Сегодня утром я спустилась вниз и обнаружила бабулю на кухонном полу. Она пела.

– Бабуля! – крикнула я.

– Ой! – сказала бабуля. – Доброе утро, солнышко!

– Что ты делаешь! – сказала я.

– Просто отдыхаю, – сказала она.

– Нет! – я снова кричала. – Бабуля! Что ты делаешь?

Она смеялась. Она сказала «хо-о-о-о-о-о-о». Я помогла ей подняться.

– Что случилось! – сказала я.

– *Na oba*, джиперс-криперс, откуда у тебя такие очки²¹.

Я была в ярости.

– Охладись-ка! – сказала бабуля. – Ничего не случилось!

Nuscht! Я просто упала. *Oba!* Ничего, ничего.

Я помогла бабуле дойти до стула и нормально сесть. Она пыталась дышать, смеяться и говорить.

А случилось то, что на ее ходунках оторвалось колесико и она упала. Обычно ей не нужны ходунки, но сегодня они ей понадобились из-за *этой дурацкой ноги*. Она не сильно упала. Она упала как в замедленной съемке, но не смогла подняться. Попыталась, но не смогла. И решила скоротать время, распевая гимны на своем секретном языке. Она спе-

²¹ Строчка из песни Ф. Синатры.

ла гимн о Боге. Перевод звучал так: «Я не могу сделать ни шагу без тебя, Господи». Потом она поняла, что в прямом смысле не может сделать ни шагу, и начала смеяться, и не смогла остановиться. Это самое смешное, что случилось с ней за многие годы, с тех пор как она застряла между скамейками в соборе Святого Патрика, и не считая того розыгрыша в школе медсестер. Она видела часы на плите. Было очень рано, и мы с мамой еще спали. Она решила звать нас с мамой по имени каждые пятнадцать минут. Мы ее не слышали. У нее не доставало воздуха, чтобы кричать. Ей хватало воздуха только на то, чтобы петь и смеяться.

Сегодня я стала человеком-ходунками для бабули. Она стояла позади меня, положив руки мне на плечи, и мы медленно передвигались из комнаты в комнату. «Паровозик!» – сказала бабуля. Это в ее духе. Я позвонила Марио, и он должен зайти к нам починить ее колесико. Он сказал, что принесет нам немного свежей кукурузы. После завтрака, таблеток, душа и шарканья по дому бабуля так устала, что ей пришлось ненадолго прилечь. Я легла рядом с ней. Я втиснулась между ней и кучей книг и одежды, которые всегда лежат на ее кровати и не сдвигаются ни на дюйм, даже когда она спит в постели рядом с ними. Бабуля использует некролог тети Момо в качестве закладки. Он потихоньку истрепывается. Бабуля хочет, чтобы я его заламинировала. Мы лежали в постели и смотрели «Зовите акушерку». Бабуля рассказывала мне о различных типах трудных родов, в которых она *асси-*

стировала, когда работала медсестрой. Мы молчали вместе, держась за руки и дыша.

– Почему мама такая странная? – спросила я у бабули. Она уже задремала.

– Странная? – переспросила она через минуту и надела очки. – Что ж, посмотрим.

– Это из-за Горда? – спросила я.

– Нет-нет! – сказала бабуля. – Ну, возможно. Возможно, у нее проблемы с гормонами, но она не из-за этого странная, как ты это называешь. Благодаря Горду она счастлива!

– Серьезно?

– Очень счастлива. Как и благодаря тебе.

Бабуля провела рукой по моим волосам. Рука запуталась в большом колтуне, и бабуля рассмеялась. Она называет колтуны *эльфийскими локонами*.

– Твоя мама борется на всех фронтах. На внутреннем и на внешнем.

– На вечном, – сказала я.

– Да, как будто так и есть, – сказала бабуля. – Твоего отца нет и...

– А где он? – спросила я ее.

– Правда в том, что мы не знаем, – сказала бабуля.

– Он умер?

– Вряд ли. Я так не думаю. А твоя мама боится сойти с ума. Ну, все этого боятся, особенно с возрастом, но твоя мама боится сойти с ума из-за того, что досталось ей в наслед-

ство. Мама борется на всех фронтах. Ей приходится. А еще она любит!

– Из-за Горда? – спросила я.

– Из-за всего, – сказала бабуля.

– Она же везде лажает, – сказала я.

– Возмо-о-ожно, – сказала бабуля, – но мы можем выразить это по-разному. И какая, в общем, разница. Женщин всегда за все наказывают! Ее самый большой страх – потерять тебя и Горда. Я не смогу вечно заботиться о тебе, а твой отец на данный момент числится пропавшим без вести.

– Это же я забочусь о тебе! – сказала я.

– Ха! – сказала бабуля. – Это правда, заботишься. Но если твоя мама заболеет, она будет волноваться о том, кто позаботится о тебе и Горде.

– Я позабочусь! – сказала я. – Как в книжке «Дети из товарного вагона».

– Ты смогла бы, – сказала бабуля. – В тебе определенно есть то, что нужно. Но это может быть не *идеально*.

– Да, – сказала я.

Я бы предпочла растить Горда в лодке, а не в товарном вагоне без колес, чтобы мы могли плавать в разные места и, в идеале, путешествовать по миру. Мама боится *сойти с ума* и покончить с собой, но бабуля говорит, что она не собирается сходить с ума и кончать с собой.

– Это стресс. И страх, и тревога, и ярость. Это нормальные вещи. Нормальные, нормальные, нормальные. А еще есть

психические заболевания. Это совсем другое дело. Хо-о-о. Дедушка и тетя Момо покончили с собой, а твой папа где-то не здесь, и это правда. Но мы-то здесь! Сейчас мы все здесь.

Потом бабуля прочитала стихотворение или что-то в этом роде: «В длинных тенях их преступлений мы здесь сражаемся за свет мира».

– Но на самом деле, – добавила она, – их самоубийства не были *преступлениями*.

Она продолжила говорить и за разговором пыталась осторожно распутать колтун в моих волосах. Она взяла одну из книг со своей кровати. Это была тонкая книга, поэтому ей не пришлось распиливать ее на несколько частей.

– Посмотрим, посмотрим, посмотрим. Где же это?

Потом она нашла нужное место и прочитала: «Он вытянул руку. Неужели дождь все еще продолжался? Нет, прекратился. Небо казалось неровным и тонким, как будто могло вот-вот прорваться. На проводах появились воробьи, они сидели, отряхиваясь от дождя. Да, мир был... таким, каким хотел быть. Так или иначе, на него не стоило полагаться. Он получал удовольствие сам от себя. Нет смысла в особых желаниях получить что-то от мира, это было ясно. И пока ты остаешься жив, ты будешь его частью. И он тоже ею был»²²

²² Цитата из произведения шведского писателя Пера Лагерквиста «В мире гость».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.